

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ПЕЧАТНАГО СЛОВА.

Никогда не лги. Это правоученіе такъ просто, и обязательность его такъ всякому понятна, что даже можно стыдить человѣка, рѣшившагося начать свою рѣчь о печатномъ словѣ съ избитаго азбучнаго правила. А между тѣмъ это азбучное правило едва ли не чаще нарушается, чѣмъ соблюдается въ нашей современной печати, особенно же въ той ея части, которая въ настоящее время дѣйствуетъ весьма широко и усиленно: разумію періодическую печать — журналы и газеты.

Совершенно естественно, что вслѣдствіе различія по умственнымъ силамъ, по свѣдѣніямъ, по условіямъ воспитанія и развитія, по бытовой обстановкѣ, по обстоятельствамъ жизни, общіе взгляды тѣхъ или другихъ людей складываются разнообразно, принимаютъ направленія, различающіяся между собою и мало и много, различающіяся даже и до той степени, на которой слѣдуетъ признать ихъ прямо противоположными. Естественно и то, что люди болѣе или менѣе одинаковыхъ взглядовъ соединяются между собою для дружнаго дѣйствованія на литературномъ поприщѣ, трудятся сообща. Винить тѣхъ или другихъ изъ нихъ за то, что убѣжденія ихъ сложились такъ, а не иначе, въ иныхъ случаяхъ было бы возможно и не предосудительно: но во многихъ случаяхъ было бы и неправильно и неизвинительно. Мирясь съ возникновеніемъ и разнообразіемъ взглядовъ даже и такихъ, которымъ никогда не можетъ принадлежать наше сочувствіе, мы будемъ теперь осуждать ихъ только за ту часть ихъ неправды, которой они обязательно должны были бы избѣгать. Разумію прежде всего ту неправду, которую дѣлаютъ новобранцы того или другаго

лагеря, безъ всякихъ сколько нибудь уважительныхъ оснований входя въ извѣстный лагерь. Прочтетъ человѣкъ двѣ три книжки того или другаго внутренняго цвѣта, и онъ уже готовъ думать, что имѣетъ убѣжденія, что ему уже предложитъ не обязанность войти въ дѣло поближе и поглубже, а обязанность вторить по мѣрѣ силъ чужому голосу, плохо даже и разслышанному. Такъ легкомысленно относиться къ убѣжденіямъ и къ направленію своей литературной дѣятельности очень опасно. Тутъ грозитъ бѣда большая: потеря всякаго уваженія и къ собственному человѣческому достоинству и ко всякому дѣйствованію въ области разума. Если гдѣ, то особенно въ рѣшеніи вопроса: „чему служить своимъ разумомъ, торжеству какихъ сужденій оказать по мѣрѣ силъ свое содѣйствіе“ — необходимо семь разъ примѣрить и одинъ разъ отрѣзать. Правда, что возможно и обращеніе въ „переметную суму“: но не говоря уже о томъ, что не велика ей и честь, для души сколько нибудь чуткой и не склонной заглушать голосъ совѣсти такіе переметы безъ тяжелыхъ страданій обойтись не могутъ и не должны. Страданій, и притомъ невольныхъ, и часто неизбѣжныхъ, и безъ того выпадаетъ на нашу долю не мало: къ чему же добровольно навязываться на нихъ, самому нанести себѣ раны, если можно избѣжать ихъ при помощи только малаго воздержанія отъ участія въ дѣлѣ, къ которому не готовъ? Къ чему проповѣдывать другимъ, когда самому еще нужно поучиться? Иначе сказать: заучивъ двѣ сотни латинскихъ словъ, подожди считать себя латинистомъ и повремени не только вслухъ, но и про себя разсуждать о красотахъ Цицеронова слога. Въ случаѣ же неразумной послѣдственности твоей неизбѣжно наступитъ для тебя время, когда самъ устыдишься своихъ разсужденій, и на душѣ у тебя будетъ весьма худо.

Еще болѣе неправды въ отношеніи къ печатному слову допускаютъ тѣ новобранцы того или другаго лагеря, которые пристають къ нему безъ всякой мысли о служеніи тѣмъ или другимъ задачамъ, а только ради пропитанія. Доколѣ не понялъ новый работникъ, чему онъ служить, — бываютъ и такіе, — его вина не тяжка. Но съ тѣхъ поръ какъ прекращается у него безсознательное отношеніе къ дѣлаемому имъ дѣлу, и онъ началъ ясно понимать и смыслъ своего

дѣла и разладъ своихъ взглядовъ со взглядами своего лагеря; тогда вопросъ о пропитаніи долженъ быть рѣшенъ инымъ способомъ. Нужно ему отыскать другую работу, а иначе весь трудъ его будетъ одною сплошною неправдою.

У опытныхъ, давнихъ дѣятелей, служащихъ тому или другому направленію мысли, часто можно усматривать недостатокъ любви къ правдѣ, выражающійся намѣреннымъ и одностороннимъ подборомъ матеріала. Разумѣю не выборъ предметовъ для разъясненія и утвержденія тѣхъ или другихъ взглядовъ, даже не выборъ сторонъ изслѣдуемыхъ предметовъ, — это еще терпимо, — но разумѣю намѣренный и односторонній подборъ фактовъ. Внимательному читателю, не лишенному нѣкоторой доли наблюдательности, не трудно заранѣе знать не только то, какъ тѣ или другіе органы печатнаго слова будутъ судить о такомъ-то фактѣ, но даже и то, о какихъ фактахъ они будутъ молчать, хотя бы и достовѣрность фактовъ и важное значеніе ихъ не только вообще, но и въ частности съ точки зрѣнія того или другаго органа печати, и не могло бы подлежать спору и сомнѣнію. Несомнѣнно, что причиною умолчаній бываетъ въ такихъ случаяхъ отсутствіе всякой надежды справиться съ неудобнымъ фактомъ, подвести его подъ то или другое облюбованное воззрѣніе. Не поддается фактъ попыткѣ перетолкованія: въ такомъ случаѣ *приходится* помолчать объ немъ. Но къ прискорбію читателя это „приходится“ получаетъ начало своего бытія отъ недостатка любви къ правдѣ.

Съ особенною яркостію этотъ недостатокъ любви къ правдѣ выступаетъ во взаимной полемикѣ различныхъ органовъ печатнаго слова. По большей части спорящіе не ищутъ разъясненія предмета спора, а напрягаютъ свои силы къ отыскиванію у противника какой нибудь погрѣшности, не имѣющей въ данномъ спорѣ или никакого или почти никакого значенія. Даже и люди, обладающіе значительнымъ логическимъ развитіемъ и не малыми знаніями, нерѣдко поддаются стремленію вести споръ съ тою же степенью неуваженія къ правдѣ и къ логикѣ, съ какою ведутъ свои задорные споры мелкія базарныя торговки. Читателю привыкшему сопрягать начало спора съ его продолженіемъ и концемъ, приходится или оставаться въ томъ кругѣ впечатлѣній, въ который вводятъ зрителей болѣе или менѣе ловкіе

акробаты, и забывать, что онъ не имѣлъ намѣренія побывать въ балаганѣ: или же приходится сердиться и задавать себѣ вопросы: не слѣдуетъ ли совсѣмъ разстаться съ мыслию, что дѣятели печатнаго слова должны идти впереди общества, руководить его стремленіями? Едва ли полезно скрывать, что въ настоящее время ко многимъ органамъ печатнаго слова у читателей не только нѣтъ уваженія, но замѣтно даже и нѣсколько брезгливое отношеніе. Винить за это читателя едва ли будетъ справедливо. Въ нѣкоторыхъ слояхъ читателей невольно воспитывается склонность смотрѣть на мнимыхъ руководителей общественной мысли какъ на людей, спустившихся много ниже потребнаго уровня нравственныхъ понятій.

Чаще и чаще сталъ употребляться журналами и газетами въ приложеніи къ разнымъ случаямъ совершенно своеобразный языкъ, представляющій смѣсь языка старинныхъ грамотѣевъ съ языкомъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, но впрочемъ съ нѣкоторымъ невыгоднымъ отличіемъ отъ послѣдняго. У послѣдняго нерѣдко можно было замѣтить скептическую подкладку. Изъ-подъ увѣреній въ родѣ: „вы — наши отцы, а мы — ваши дѣти“ иной разъ очень рѣзко сквозила мысль: „развѣ баринъ что понимаетъ?“ А теперь если и сквозить что, то что нибудь въ родѣ плохо скрытыхъ надеждъ извлечь нѣчто себѣ на пользу. Является велерѣчіе, охотно вторгающееся въ область языка церковно-славянскаго. При рѣчи объ извѣстныхъ предметахъ такъ и ждешь особыхъ излюбленныхъ оборотовъ и словъ, употребляемыхъ, очевидно, только по недостатку дѣйствительнаго одушевленія или сердчнаго сочувствія. Слова эти обыкновенно бываютъ очень длинныя, сложенныя изъ нѣсколькихъ корней, а иногда и не очень протяженныя, но за то облюбованныя за какую-то пріятную смутность соединяемаго съ ними понятія, въ родѣ, напримѣръ, слова „маститый“, неоднократно исправляющаго должность слова „маститый“. Дѣйствіе подобнаго языка на читателей, не лишенныхъ вкуса, чуткости и добраго настроенія, гораздо вреднѣе, чѣмъ можно предполагать. Онъ поселяетъ въ нихъ чувство какого-то горделиваго презрѣнія къ творцамъ этого языка, вызываетъ охлажденіе и къ тому доброму, о чемъ говорятъ этимъ языкомъ, и заставляеть искать освѣженія мыслей и чувствъ другими

рѣчами и предметами. Въ типш кабинета или въ откровенной бесѣдѣ и сами виновники такихъ впечатлѣній, вѣроятно, не съ большимъ, чѣмъ читатель, довѣріемъ относятся къ своему напыщенному велерѣчію.

Было время, когда многіе смотрѣли на печатное слово какъ на входящее въ обычай зло и потому, по мѣрѣ силъ, принимали соотвѣтствующія мѣры къ охраненію подвѣдомственныхъ имъ частей отъ прираженія этого зла. Одною изъ таковыхъ мѣръ служило изытіе тѣхъ или другихъ предметовъ изъ области печатныхъ рѣчей. Даже игра актеровъ на театрахъ изыта была отъ опасности подвергнуться печатному обсужденію. Въ настоящее время дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Открылось, что изъ печатнаго слова можно извлекать не малую пользу для разныхъ вѣдомствъ вообще и для тѣхъ или другихъ лицъ этихъ вѣдомствъ въ частности. На вновь открытое поприще выступали сначала робко, а потомъ стали выступать не только неустрашимо, но даже назойливо. Одни поняли, что печатная труба можетъ издавать пріятные и полезныя звуки, а другіе сообразили, что за содѣйствіе извлеченію таковыхъ звуковъ они могутъ получать соотвѣтствующее вознагражденіе. Теперь мы присутствуемъ на бѣгахъ взапуски. Даже по духовному вѣдомству является великое множество корреспонденцій, изображающихъ благотворныя послѣдствія не только отъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій со стороны совсѣмъ не крупныхъ властей, но даже и отъ простаго передвиженія ихъ изъ одной мѣстности въ другую по обязанностямъ службы. Прирученіе корреспондентовъ къ отравленію ихъ служенія получило весьма широкіе размѣры. Можно ожидать, что въ самомъ непродолжительномъ времени даже стеновые будутъ развѣзжать въ сопровожденіи собственныхъ корреспондентовъ. Явленіе, свидѣтельствующее о степени приспособляемости человѣческой природы ко всякаго рода обстоятельствамъ и заслуживающее названіе литературнаго шантажа, получило въ настоящее время зловѣщіе размѣры, сокращеніе которыхъ было бы весьма желательно въ видахъ не только возстановленія должнаго уваженія къ истинѣ, но и въ видахъ пресѣченія нравственнаго вреда и властямъ, и подчиненнымъ. Донесенія о служебной дѣятельности по прежнему должны бы идти къ подлежащему начальству поч-

тою, а не чрезъ газетныхъ корреспондентовъ. Однимъ изъ средствъ нравственной порчи стало бы меньше.

Не только по отношенію къ живымъ, но и по отношенію къ мертвымъ печатное слово часто преступаетъ границы, указываемыя любовію къ правдѣ. Гробъ безъ вѣнковъ, покойникъ безъ некролога становятся при мало мальски богатыхъ похоронахъ чѣмъ то страннымъ, даже вызывающимъ соболѣзнованіе и осужденіе. Повинность увѣнчиванія отшедшихъ отецъ и братій нашихъ вѣнками изъ цвѣтовъ живыхъ и поддѣльныхъ и вѣнками, плетеными изъ неправдъ, быстро переходитъ во всеобщую повинность. Будущимъ историкамъ нашего времени, вѣроятно, придется писать, что въ концѣ XIX-го столѣтія къ числу обязательныхъ погребальныхъ обрядовъ практика присоединила возложеніе вѣнковъ и составленіе некрологовъ, а современные предприимчивые дѣятели, вѣроятно, не оставятъ въ накладѣ, если на Кривомъ Рогѣ устроить заводъ для выдѣлки похоронныхъ вѣнковъ и внесутъ въ преисъ-куранты похоронныхъ бюро дополненіе: *црна безъ некролога столько-то, съ некрологомъ столько-то*. Отсутствие некролога начинаетъ вмѣняться въ вину роднымъ и знакомымъ. И вотъ на читателей сыплются некрологи, въ большей части которыхъ риторика и всяческая неправда находятъ сбѣ благовидный пріютъ. Мѣсто стариннаго *de mortuis aut bene, aut nihil* заняло новое правило: *de mortuis aut bene, aut optime*, и все больше *optime*, какъ будто въ подтвержденіе той мысли, что лучшіе люди уходятъ, а плохіе все остаются, до тѣхъ поръ, пока и эти плохіе своею смертію заслужатъ право на *optime*. Если бы хвалы усопшимъ не расточались съ такимъ презрѣніемъ къ правдѣ: то иные изъ живыхъ, можетъ быть, лишній разъ подумали бы объ истинной стоимости своихъ стремленій и своей дѣятельности.

II. Горскій-Платоновъ.
